

ПОСТЕЛЬ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

эротические новеллы 1848–1861

ИЗМЕНА КНЯГИНИ

Александр Гордин

18+

Александр Гордин

ИЗМЕНА КНЯГИНИ |
«Постель Российской Империи»

«Автор»

2026

Гордин А.

ИЗМЕНА КНЯГИНИ | «Постель Российской Империи» /

А. Гордин — «Автор», 2026

Эротическая новелла 18+ из цикла «Постель Российской империи»: Княгиня не должна идти в баню одна. Особенно если в усадьбе ночует молодой штабс-капитан, а муж сидит в кабинете и считает подводки для Крымской войны. Но дождь льёт по липам. Баня натоплена. Ключ висит в сенях — холодный, тяжёлый, слишком близко к руке. Елизавета Волховская пять лет была послушной женой. Теперь ей хочется, чтобы мужчина не отворачивался к стене, а смотрел. Чтобы держал крепко. Чтобы она сама не смогла сказать, кому принадлежит до утра. За дверью — пар, горячие доски, мокрые волосы и офицер, которому завтра ехать на войну. За стеной — муж. Измена княгини. Усадебная эротика 1855 года. Цикл «Постель Российской империи».

© Гордин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Новелла из цикла «Постель Российской Империи»	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Александр Гордин

ИЗМЕНА КНЯГИНИ |

«Постель Российской Империи»

Новелла из цикла «Постель Российской Империи»

На третий день метели Волчья Станция перестала быть почтовой. В конюшне лошади стояли у яслей, дыша в сизый полумрак; подорожные лежали в ящике смотрителя, а в чистой горнице для проезжающих пахло мокрой овчиной, лимонной коркой и самоваром, к которому сажались уже не от жажды, а от скуки.

Княгиня Елизавета Львовна Волховская сидела у окна. Ей было тридцать четыре; гладко убранные тёмные волосы, тонкая шея и белая рука на чёрной юбке могли обмануть незнакомого человека, но неподвижный рот и тень под глазами говорили о десяти годах несчастливого брака лучше всякого признания.

Варвара Семёновна Тихонова, её компаньонка, тридцати двух лет, сухая, русоволосая, с уже отогревшимися у самовара руками, читала письмо. Купец первой гильдии Локтев вполголоса спорил с отцом Филаретом: государь, мол, освободит крестьян — не освободит; а если освободит, то кто будет отвечать за землю, долги и людскую дурь.

Поручик Ржевский грел ладони о стакан и поглядывал на дверь, как человек, которому тесно без действия.

Последний из приехавших — князь Аркадий Репнин, стоял у печи. Денщик уже снял с него дорожный сюртук, развесил мокрый плащ в сенях и принёс сухой мундир. Репнин был высок, сух, с первым проблеском серебра в висках: в тридцать один он уже выглядел так, будто бабы успели его испортить, а война — нет.

Он поклонился Елизавете. Она ответила едва заметным наклоном головы. В самоваре тонко запело: вода дошла.

— Да вы, княгиня, чай не пьёте, а допрашиваете, — сказал купец Локтев. — По капле. Как уездного стряпчего.

Ржевский хмыкнул. Елизавета подняла стакан.

— Я не люблю спешить с тем, что всё равно остынет.

— Вот и верное женское правило, — сказал купец.

— Савва Анисимович всегда уверен, что женщинам нужны правила, — заметила Аграфена Михайловна Зорина, жена смотрителя и хозяйка ямской станции, подходя со связкой баранок. — А сам после второй рюмки собственных не помнит.

Все засмеялись. Даже Репнин улыбнулся краем рта, глядя в огонь. Варвара подняла глаза от письма, будто хотела что-то сказать, но снова опустила их к листку.

— Вот вы, княгиня, замужем не первый год, — сказал Ржевский, поворачивая стакан в пальцах, — и по лицу вижу, скучаете смертно. Признайтесь по совести: неужто ни один смельчак так и не рискнул вас утешить? Или вам оно страшнее самого венца без любви — вдруг утешитель найдётся, да поздно?

Смех оборвался. Локтев перестал крошить баранку; отец Филарет медленно снял пальцы с нательного креста.

Елизавета не ответила.

Она посмотрела на Ржевского — молодого ещё, с гладкими висками, с задорной складкой рта, которой жизнь пока не успела объяснить цену собственных слов. Потом её взгляд скользнул к печи.

В горнице прошло не более трёх секунд. Для Елизаветы — пять с лишним лет. Вернулась июльская ночь: красный свет каменки, сильные руки едва знакомого офицера на её бёдрах, запах берёзового листа, горячей кожи и густого пара, в котором стыд уже не отличить от желания. А за соседней стеной, в доме, сидел муж и с умным видом рассуждал о войне.

* * *

Ей было двадцать восемь. Она уже пять лет носила фамилию Волховская.

Её мужа, князя Петра Алексеевича Волховского, для неё выбрал отец. У князя были земли, связи в губернии, верный доход и спокойная привычка не позорить дом. На смотринах он говорил с Елизаветой о французском романе, который не читал, а потом спросил, любит ли она лошадей.

Она сказала: «Люблю».

Он ответил:

— Хорошо. В Волховском держат породистых рысаков.

Через две недели состоялось обручение.

Волховской не был ни злым, ни добрым — и оттого казался Елизавете невыносимее злодея. При этом он был сильным, ухоженным, но тяжёлым мужчиной сорока двух лет: густые волосы, чисто выбритые щёки, белые руки, на одном пальце широкое кольцо. По вечерам он выкуривал трубку в кабинете, выпивал маленькую рюмку хереса и один гонял бильярдные шары по зелёному сукну. Сухой стук шёл по дому, как его собственное сердцебиение.

Потом он приходил в спальню — не для неё, а за тем, что считал супружеским долгом.

Он не целовал её вовсе — разве что после вина мог прижаться губами к виску, словно ставил печать на гербовой бумаге. Её рубашку он снимал не до конца: поднимал ткань до грудей, будто лишняя нагота мешала делу. Елизавета лежала, раздвинув колени, и смотрела, как за пологом дрожит огонёк ночника.

Он входил сразу, не дожидаясь, пока её тело откликнется. Если ей было сухо и больно, он только сильнее наваливался грудью, чтобы движение стало легче ему. Ни поцелуя, ни руки между её бёдрами, ни вопроса. Его тяжёлое тело делало знакомую работу; руки лежали у неё по бокам, не лаская, а удерживая вес. Он глядел мимо неё — в темноту, на край полога, на собственную тень на стене. Иногда она пыталась ответить движением — не из желания, а чтобы скорее всё кончилось. Он принимал это за любовь.

Когда его дыхание становилось прерывистым и тело начинало вздрагивать, она лежала совершенно неподвижно. Потом он отодвигался, и тёплая тяжесть оставалась в ней вместе с усталой пустотой. Он поправлял рубашку у неё на груди и говорил:

— Ну, будет, Лиза. Простынешь.

Потом засыпал, отвернувшись к стене.

Она лежала рядом и чувствовала на внутренней стороне бёдер остывающую липкость его семени. Не вытирала сразу: не из покорности, а потому что не хотелось вставать. Тело могло жить без неё; она это знала.

* * *

— Ну что же, княгиня? — услышала она голос Ржевского. — Муж или любовник?

Елизавета моргнула.

Волчья Станция вернулась сразу: печной жар, лимон, чужие лица, баранки на тарелке. Она поняла, что молчала всего пару секунд.

— Поручик, — сказала она, — приличная женщина не отвечает на такие вопросы незнакомцам, да ещё при священнике.

— Значит, без священника ответ был бы иной?

— Полагаю, поручик, отсутствие священника не сделало бы ваш вопрос уместнее.

Локтев засмеялся. Отец Филарет перекрестился так буднично, будто отгонял не похабство, а сквозняк. Аграфена поставила блюдо с баранками на стол чуть громче, чем следовало, и посмотрела на Ржевского так, что он наконец отвёл глаза.

За окнами ударил ветер. Ставни дрогнули.

Елизавета снова увидела не снег, а чёрные липы у Волховского.

* * *

В июле пятьдесят пятого года, когда Севастополь ещё стоял в осаде, ближе к вечеру к мужу приехали двое офицеров с бумагами на юг. Один — пожилой подполковник, усатый, усталый, с дорожной пылью в складках мундира. Другой — штабс-капитан князь Сергей Николаевич Оболенский, тридцати одного года, загорелый, сухой, с глазами, которые казались светлыми только в тени.

Она знала его по Петербургу. На балу у Талызиных, когда в гостиной уже гасили лишние свечи, Оболенский задержал её у зимнего сада — будто хотел спросить о танце. Там пахло влажной землёй, апельсиновыми деревцами и воском. Он наклонился к ней не торопясь, с той уверенностью, которая не спрашивает позволения, а лишь ждёт, заметят ли отказ.

— Княгиня...

Она успела отвернуть лицо. Его губы коснулись её щеки — ниже скулы, там, где кожа уже не была защищена прядью волос. Она отступила; не вырвалась, не вскрикнула — только поставила между ними веер.

Оболенский взглянул на неё поверх раскрытого веера и чуть улыбнулся: будто она не отказала ему, а назначила иной час. Она ушла, не сказав ни слова. Всю дорогу домой не сняла перчатку. Дома бросила её в камин. Муж читал газетную заметку о войне и не заметил запаха палёной кожи.

В Волховском Оболенский не смотрел на неё. За поздним обедом говорил с мужем о подводах, трактах, войсковых требованиях. Но когда Елизавета отвечала на вопросы о дороге или погоде, он слушал так, словно между ними уже было сказано нечто важное и теперь оставалось лишь дожидаться удобного часа.

Ей и вправду хотелось, чтобы он осмелился. Но потом — чтобы оставил ей возможность сказать «нет».

К ночи дождь усилился. В липах стоял ровный шум капель, будто струилась река; пруд дышал холодом, мокрые стволы лоснились, а в комнатах запахло сырым деревом. Волховской велел истопнику держать баню: офицеры с дороги, дождь был целый день, господам надо отмыться и согреться. Сам ушёл с предводителем дворянства в кабинет — считать подводы и телеги, которые могут потребовать войска.

Неожиданно она поняла — это случится сегодня. Во рту пересохло, в груди стало тесно, дождь за окном шёл всё гуще. Между бёдер сделалось жарко и влажно, будто её коснулись, не входя в комнату. Ей захотелось силы и жадности — и одновременно ласки, такой, какой муж никогда не давал: он брал её молча, тяжело, будто исполнял хозяйскую работу. Было страшно. Но подавить неизбежное она уже не могла.

* * *

Гости остались ночевать. Оболенскому отвели мезонин. Служанка Даша расшнуровала Елизавете корсет, сняла жемчуг. На коже под грудью и на талии остались красные полосы.

— Баня жаркая, барыня, — сказала Даша. — Истопник воды добавил для господ офицеров. Подполковник уж омылся и почивать ушёл — с дороги совсем разбитый. Даже чаю не захотел.

Елизавета стояла у трюмо в нижней юбке. В зеркале была женщина с распущенными волосами, распалённая и решительная, слишком живая для этой спальни. Она подумала о супружеской кровати, о тяжёлом дыхании мужа, о его фразе «ну, будет». От этой фразы её всю передёрнуло: всё, хватит, надо хоть одним глотком испить настоящей жизни. Захотелось,

чтобы её держали крепко, целовали медленно и не отпускали, пока она сама не забудет, чья она жена.

И вместо супружеского ложа она спросила:

— Истопник ещё в бане?

Даша удивлённо подняла глаза.

— Ушёл, барыня. Протопил, дверь запер — ключ в сених, на гвоздке.

— Ступай.

Когда горничная ушла, Елизавета ещё долго стояла перед зеркалом. Потом босая, но вовсе нерешительная прошла в сени. Взяла ключ. Положила обратно. Вернулась, села на край постели и почувствовала, как матрас пружинит под ней там, где через час будет лежать муж.

Снова встала. Опять вышла к гвоздю. Вновь взяла ключ.

«Я хочу только помыться», — сказала она себе.

Соврала.

«Я хочу, чтобы он меня увидел. Голой».

Это была правда, от которой она испугалась.

На этот раз она решительно взяла салоп, набросила его прямо на голые плечи и пошла через чёрный ход. Ключ жёг пальцы.

На галерее, у окна, стоял Оболенский — без сюртука, в жилете, с расстёгнутым воротом. Он увидел её: босую, в накинутом на голые плечи салопе, с ключом в руке. Его взгляд задержался на ней на секунду — и Елизавета поняла, что объяснять ничего не придётся.

Она прошла мимо, не замедлив шага. Он не окликнул её и не двинулся следом. Но уже на полпути к бане она услышала, как за её спиной вновь тихо всхлипнула дверь чёрного хода.

Штабс-капитан шёл не рядом. Оставил ей расстояние — такое, чтобы из окна дома никто не увидел их вместе.

Она уже взялась за ручку бани. Можно было захлопнуть дверь перед его лицом. Можно было сказать: «Вы ошиблись». Можно было уйти обратно, не оглядываясь.

Вместо этого она вошла и не задвинула засов.

В предбаннике было тепло и влажно. На столе горела керосиновая лампа, от неё по стенам ходили жёлтые тени. За закрытой дверью в парилку тихо потрескивала каменка. У лавки стояли шайка с горячей водой и ковш.

Елизавета сбросила салоп на лавку. Под ним на ней ничего не было.

Она зачерпнула ковшом воду из шайки, плеснула себе на плечи. Вода пошла по налитым желанием грудям, по животу, по бёдрам, закапала на доски. Елизавета знала: он может войти и увидеть её такой. Эта мысль возбуждала — и оттого казалась особенно постыдной. Ей захотелось ещё раз провести мокрыми ладонями по телу, медленно, не прячась.

Она повернулась к двери спиной, подняла волосы обеими руками и медленно наклонилась за следующим ковшом. В этот миг за спиной скрипнула половица.

Елизавета застыла, потом медленно выпрямилась и обернулась через плечо. Оболенский стоял в открытой двери — без сюртука, в расстёгнутом жилете, с напряжённым лицом. Он не подошёл. Ждал. И это возбуждало её сильнее, чем если бы он сразу протянул к ней руки.

Она могла обернуться, прикрыться, приказать ему уйти. Вместо этого медленно выпрямилась и ещё раз полила водой шею, грудь, спину. Вода стекала вниз, между лопаток, по поясице. Ей казалось, он смотрит сквозь кожу — туда, где стыд давно смешался с голодом.

— Заприте дверь, — дрогнувшим голосом произнесла она.

Он задвинул засов.

Елизавета закрыла глаза. Слышала, как он подошёл, как остановился совсем близко. Его дыхание коснулось её влажных волос.

— Если хотите, чтобы я ушёл, скажите пока не поздно.

Она судорожно вдохнула.

— Нет.

Он взял её за талию обеими руками — крепко, почти грубо, и прижал к себе. Она почувствовала его дыхание у шеи, его ладонь на животе, которая нагло пошла вниз. Другую переместила выше, на груди. От неожиданности она вскинула голову, но не отстранилась.

— Вы этого хотели? — спросил он хрипло.

— Не знаю, — прошептала она.

— Нет, знаете. Это вы меня сами позвали.

Он подтолкнул её к стене. Елизавета упёрлась ладонями в горячие доски, услышала, как он срывает с себя жилет, ремень, рубаху. На секунду он замер за её спиной — последний шанс остановить его. Она лишь сама подалась назад.

Тогда он взял её. Без осторожных вопросов, без обещаний, без той терпеливой, но ложной нежности, которой муж прикрывал равнодушие. Елизавета вцепилась пальцами в край нижней лавки. Её тело уже ждало его, но первый миг всё равно ударил внезапно — полной, жаром, внезапной тяжестью, — она не успела отшатнуться. Потом всё смыло движением, тяжестью его рук на её бёдрах.

Она слышала, как дождь бьёт по крыше, как скрипят доски, как он пытается сдержать дыхание. И ей захотелось, чтобы он перестал сдерживаться.

— Сильнее, — простонала она.

Он сделал, как она велела. Его ладонь легла ей на затылок, удержала, не давая поднять головы. Она ждала унижения — и вдруг почувствовала, как ломается то, что пять лет лежало в ней неподвижно. Она больше не была женщиной «Домостроя», не хотела ждать мужа в темноте и слушать его унылое: «Ну, будет».

Теперь она сама стала двигаться навстречу. Быстрее. Жаднее. Пока жар не превратился в дрожь, а дрожь — в короткую, почти ослепившую её разрядку. Елизавета прикусила губу так сильно, что почувствовала кровь. Оболенский замер за её спиной, тяжело дыша ей в волосы.

Она стояла, не выпрямляясь, пока не вернула себе голос.

— Подождите... — прошептала она, не оборачиваясь, и густо покраснела.

Пальцы нашли его запястье и удержали.

Он обнял её за талию, потом поднял и развернул к себе.

Она не сразу подняла лицо. Щёки у неё горели, глаза были опущены. Потом она увидела его перед собой — раздетого, влажного от пара и покрытого потом после их близости, с тем прямым, неотвратимым взглядом, от которого хотелось и прикрыться, и остаться. Муж никогда не позволял себе смотреть на неё так.

Елизавета протянула руку. Коснулась его члена осторожно, словно хотела проверить, существует ли в мужском теле что-нибудь, кроме тяжести и власти. Он поймал её ладонь, разжал её пальцы и сам вложил в них себя. Елизавета вздрогнула, но руки не отняла. Он медленно повёл её кистью — раз, другой; не спуская с неё глаз. Она смотрела вниз во все глаза — изумлённо, почти испуга

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.